

ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОНЕМЫ И ПРОСОДЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.С. ТУРГЕНЕВА)

Статья посвящена изучению взаимодействия языка и речи в тексте. В данной работе поднимается вопрос рассмотрения вокальных звуков, как фонем и фактов языка и, как просодем и фактов речи. Акцентируется внимание о недостаточном изучении русского ударения в историческом и функциональном аспекте. Имена существительные рассматриваются в форме единственного и множественного числа с неподвижным ударением на гласном «ы», которое ассимилировало его исконную долготу и бывший староакутовый восходящий тон. Дериваты от этих имен иной частеречной отнесенности как более поздние по происхождению не описываются.

В проведенном исследовании акцентируются такие понятия как «язык» и «речь». Сущность языка заключается в различительном означивании, в отождествлении, тем самым означивание приводит к выявлению речевой фонетической системности текста и к идентификации звука.

В результате работы показывается нерядоположенность значений фонем как совокупности дифференциальных признаков и значимости просодем как их речевых функций (смыслов) в тексте с целью выявления фонематической, фонетической и просодической системности текста.

Ключевые слова: язык, речь, текст, фонема, просодема, значение, значимость, системность.

Имена существительные в форме единственного и множественного числа с неподвижным ударением на гласном «ы» ассимилировало его исконную долготу и бывший староакутовый восходящий тон. Дериваты от этих имен иной частеречной отнесенности как более поздние по происхождению не описываются.

Становления русского ударения уделяли внимание такие ученые, как В.В Колесов [4, с. 5–6], А.А Зализняк [3 с. 4], Р. Нахтигал [5, с. 166, 176–177], А.А. Припадчев [6, с. 76], [7, с. 18, 7–75] и др. Однако русское ударение в историческом и функциональном аспектах изучено недостаточно. На это обращает внимание В.В. Колесов: «В отечественной науке изучению др.-р. просодической системы препятствовали многие обстоятельства, однако уже к началу нынешнего века вопрос о необходимости изучения русского ударения в историческом плане назрел и неоднократно обсуждался ведущими учеными. Из архивных материалов можно уяснить атмосферу поисков и те основные задачи, которые ставили перед собой исследователи. Однако единственным существенным результатом этих обсуждений явилась классическая монография Васильева о каморе, все остальное осталось в черновиках и бесследно исчезло. В советское время основное внимание уделялось изучению истории литературного языка, но даже в таких узких рамках акцентологические вопросы стави-

лись очень редко. На долгие годы единственным источником по истории ударения стали рукописи, введенные в научный оборот Васильевым.

В зарубежной литературе положение таково же: либо множество ошибочных суждений при отсутствии достоверного и обширного материала, либо скептические высказывания относительно самой возможности изучения др.-р. акцентуации (русские памятники с обозначением ударения появляются с XVII в. – Лер-Сплавинский; др.-р. ударение невозможно определить в деталях до XVI в., но нет сомнения, что ударение в XI–XII вв. было тем же самым, что и в современном литературном языке – Мэтьюс) и т. д. Появившееся недавно исследование Кипарского по истории русского литературного ударения подтвердило эффективность изучения древних памятников. Обобщения Станга и Иллич-Свитыча позволяют осмыслить всё многообразие др.-р. фактов, из которых наибольший интерес представляют акцентные, расходящиеся с современным русским литературным ударением» [4].

О недостаточной изученности ударения не только в древнерусском и старорусском языках, но и в национальном русском литературном языке, а также и в его диалектах пишет и А.А. Зализняк: «Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые

проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяющий старовеликорусский срез от современного, т. е. XVIII–XIX вв. Далее, в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причины здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию» [3].

Говоря о недостаточной изученности русского ударения как в диахроническом аспекте, так и в синхронном, названные выше ученые в своих собственных исследованиях увязывают вопрос об ударении с вопросом о количестве и тоне гласных. О необходимости объединения понятий «ударение», «количество» и «тон» в решении проблем просодии свидетельствуют и данные разных славянских языков. Р. Нахтигал пишет: «Праславянское различие долгих и кратких слогов сохранилось только в сербохорватском, словенском, чешском, словацком и словинском языках. Возможно, что это различие сохранял также и полабский язык. Утрата указанного выше различия произошла сравнительно поздно: в лужицком языке – в XVI в., в польском – в XV в., в русском языке долготы отмечались еще в XIV в. Утрачена долгота и в болгарском языке. Однако во всех этих языках сохраняются следы прежних количественных различий. <...>

Праславянское музыкальное ударение сохранили лишь сербохорватский и словенский языки. Во всех же других языках музыкальное ударение было заменено противоположным по качеству экспираторным, динамическим, ударением, сущность которого заключается в изменении силы, мощности воздушной струи

при произношении. Однако следы прежнего музыкального ударения остались.

В русском языке они сохранились в различной двоякой постановке ударения в так называемых «полногласных» формах слов (гóрод – горóх) и в подвижности ударения в склоняемых и спрягаемых формах. Чешский язык сохраняет краткость и долготу, связанную с различиями исконной нисходящей и восходящей интонации. В польском языке следы бывшего музыкального ударения сохраняются в «суженном» произношении носовых гласных (соответствующем чешским долготам), различно отраженных под старой и новой акутовой интонацией.

В болгарском и полабском языках следы нисходящего ударения отражены в перестановке ударения на следующий слог. Это наблюдается также в словенском языке. Место ударения в сербохорватском и словенском языках является свободным, т. е. ударение может падать на любой слог в слове. В русском и болгарском языках и частично в кашубском со словинским и полабским оно является еще и подвижным, т. е. может приходиться на различные слоги одного и того же слова. В чешском, словацком, лужицком и польском языках ударение постоянное, т. е. связано с определенным слогом. В польском языке оно падает на предпоследний слог; в чешском, словацком и лужицком – на первый слог. Место ударения в русском языке и в чакавских говорах сербохорватского языка обычно совпадает. Это наиболее надежный источник для определения места праславянского ударения» [5]. При рассмотрении русского ударения необходим переход от фонетики к просодии, так как особенности русского ударения (его неподвижность и подвижность) объясняются бывшими количественными и тоновыми характеристиками гласных. В движении от фонетики к просодии на первый план выходит на понятие «фонема», а понятие «просодема». В системе языка количество и тон гласных уже во многом не распознаются, хотя до сих пор они сказываются в распределении русских гласных, например, по подъёму (исконно долгие – верхнего подъёма, исконно краткие – среднего). Однако в системе речи представления о количестве и тоне гласных сохраняются, так как они во многом определяют характер русского уже не музыкального, а динамического, силового ударения,

а именно: его неподвижность и подвижность. Просодическим выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовый восходящий тон, в нашем материале являются, например, следующие синтаксемы.

Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами [9, с. 10].

С бутылкой - исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – исполнительный.

«Здравствуй, Миняич, проговорил г-н Полутыкин, – а где же вода?» Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. «Отведайте, – сказал мне Полутыкин, – это у меня хорошая, ключевая вода».

Легкий порыв ветерка разбудил меня [9, с. 1].

Порыв – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – сон был чутким.

Легкий порыв ветерка разбудил меня. Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полуоткрытой двери и ножом вырезал ложку.

Мы с ним толковали о посевах, об урожае, о крестьянском быте [9, с. 13].

О быте – исконно долгий, бывший восходящий тон;

Смысл – разговаривали о жизни.

Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. Он, казалось, чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов. Мы с ним толковали о посевах, об урожае, о крестьянском быте.

Такой «орел» получает от купца рублей двести ассигнациями и отправляется на добычу [9, с. 17].

На добычу – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – продвижение.

Но более всего страдают бабы вмешиваются в дело и доводят иногда самого продавца. Поставщи-ки материала на бумажные фабрики поручают закупку тряпья особенного рода

людям, которые в иных уездах называются «орлами». Такой «орел» получает от купца рублей двести ассигнациями и отправляется на добычу.

Узнал он, что я бывал за границей, любопытство его разгорелось. Калиныч от него не отстралвал; но Калиныча более трогали описания природы, гор, водопадов необыкновенных. [9, с. 18].

Любопытство – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – было интересно.

Но Хорь не все рассказывал, он сам меня расспрашивал о многом. Узнал он, что я бывал за границей, любопытство его разгорелось.... Калиныч от него не отстралвал; но Калиныча более трогали описания природы, гор, водопадов необыкновенных.

Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов [9, с. 19].

Смысл – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – готов поучиться у немцев.

Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо – то ему и нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идёт, – ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов.

Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает [9].

Сыростью – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – атмосфера.

Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее. Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает.

Рыбу даст сотенную, а масло положит тухлое [9, с. 65].

Рыбу – исконно долгий, бывший восходящий тон;

смысл – подставит.

Не поеду я к этому брюхачу. Рыбу даст со-тенную, а масло положит тухлое. Бог с ним со-всем! – А то я Федосью Михайловну встретил.

Просодически выделенными неподвижным ударением по основе в формах единственного и множественного числа (без дериватов, обычно более поздних по происхождению, чем имя существительное), которое ассимилировало исконную долготу гласных и староакутовой восходящий тон, в нашем материале являются следующие синтаксемы: с бутылкой, порыв, о бите, на добычу, любопытство, смysl, сыростью, рыбу и др. В ряду приведенных синтаксем есть слова с конкретным и абстрактным значениями (с бутылкой, любопытство), древние и новые (рыбу, любопытство), исконные и заимствованные (обите, с бутылкой). Вместе с тем просодия как один из важнейших уровней речи нейтрализует эти новации и «приобретения» неизменностью позиций ударностей на основе и их неподвижностью. В свою очередь неподвижность, являясь результатом ассимиляции долготы и восходящего тона, нейтрализует языковую противопоставленность гласных фонем *ы* и *и*, например, *а, и, у* по ряду, подъему и лабиализации/нелабиализации в пользу таких речевых признаков просодемы, как ударность (сила), количество и интонация. Механизм рече-мыслительной деятельности очевиден: язык различает, а речь отождествляет.

Просодическое выделение синтаксем неподвижностью ударения на *ы* не случайно. В проекции на текст такие синтаксемы получают значимости, то есть выполняют конкретную речевую функцию, участвуя в выражении того или иного смысла. Рассмотренные синтаксемы участвуют в обозначении следующих смыслов: «исполнительность», «чуткость», «разговор», «готовность», «продвижение», «интерес», «атмосфера», «обман» и др.

Протяженность во времени исконно долгого гласного *ы* под бывшим староакутовым восходящим тоном сообщается и типу композиционных форм речи. В основном такая просо-

дема отмечается в описании и рассуждении. Важно и то, что через смыслы как речевые функции синтаксем с неподвижным ударением на *ы*, а также *а, и, у* мы приближаемся к фрагментам худо-жественной картины мира И.С. Тургенева.

Итак, в теории проведенного исследования акцентируются понятия «язык» и «речь». Сущность языка заключается в различительном означивании. Такое означивание приводит к выявлению языковой фонематической системности текстов и к идентификации фонем: гласные фонемы имеют инвариантные дифференциальные признаки ряда, подъема, лабиализации/нелабиализации; согласные имеют признаки места, способа образования, уровня шума, голоса, твердости и мягкости. Сущность речи заключается в сходном означивании, в отождествлении. Такое означивание приводит к другому результату – к выявлению речевой фонетической системности текста и к идентификации звука, например, *ъ* как следствия нейтрализации противопоставления гласных фонем *о* и *а* по ряду, подъему и лабиализации/нелабиализации в слабой безударной позиции. Или к идентификации звука *ь* как результата нейтрализации противопоставления гласных фонем *и* и *е* по ряду и подъему тоже в слабой безударной позиции. Речевое сходное означивание приводит и ещё к одному важному результату – к выявлению речевой просодической системности текста и к идентификации просодемы, «бестелесного» означающего, по словам Ф. де Соссюра [8], как следствия нейтрализации, например, фонем *а, и, ы, у* или фонем *о, е* по ряду, подъему, лабиализации/нелабиализации в сильной ударной позиции неподвижностью ударения как рефлекса их исконной или переходной долготы и старого и нового восходящих тонов. Язык как жесткая система различения в данных истории отличается сменностью состава фонем. Речь как гибкая система отождествления в данных истории обнаруживает большую устойчивость, особенно просодем.

21.04.2017

Список литературы:

1. Аванесов, Р.И. Ударение в современном русском литературном языке / Р.И. Аванесов. – М.: Наука, 1958. – С. 5.
2. Брызгунова, Е.А. Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. – М.: Наука, 1977. – 81 с.
3. Зализняк, А.А. От праславянской акцентуации к русской / А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1985. – 48 с.
4. Колесов, В.В. История русского ударения / В.В. Колесов. – Ленинград, 1972. – 256 с.
5. Нахтигал, Р. Славянские языки / Р. Нахтигал. – М.: Наука, 1963. – 314 с.

6. Припадчев, А.А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 76 с.
7. Припадчев, А.А. Сравнительная фонетика славянских языков / А.А. Припадчев. – Воронеж, 1994. – 88 с.
8. Соссюр, Ф. Труды по языко-знанию / Ф. Соссюр. – М.: Наука, 1977. – 85 с.
9. Тургенев, И.С. Записки охотника / И.С. Тургенев // Тургенев И.С. Полное СОБР. Соч.: в 30 т., изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1979. – Т. 3.
10. Статья является верификацией концепции, опубликованной в ВЕСТНИК ВГУ, но апробируемая в данной статье на другом материале.
11. Dybo, V. A Tonological Hypothesis on the Origin of Paradigmatic Accent System / V. Dybo, S. Nikolayev, S. Starostin. – EPPH, 1978. – P. 16.
12. Helimski, E. Notes on the Origin of Prosodic Features in some Samoyed and Ugric Language / E. Helimski. – EPPH, 1978. – P. 35–38.
13. Peiros, I. Proto-Turkish Vowel Length : a Possibility of Reinterpretation / I. Peiros. – EPPH, 1978. – P. 79–81.
14. Starostin, S. Preliminary Remarks on Accent Correspondences between some Languages of Dagestan / S. Starostin. – EPPH, 1978. – P. 88–90.
15. J. Jedvaj. Bednjanski govor / J. Jedvaj. // Hrvatski dijalektoloski zbornik. – Knj. 1. – Zagreb, 1995.

Сведения об авторах:

Буасаенг Раттанпорн, аспирант кафедры славянской филологии
Воронежского государственного университета
394036, г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, e-mail : rbuasaeng@yahoo.com

Припадчев Анатолий Александрович, профессор Воронежского государственного университета,
доктор филологических наук
394036, г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10